

Священник Кирилл КРАСНОЩЕКОВ,
кандидат богословия

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКОВ ЕПИСКОПА ВОЛЬСКОГО ГЕРМАНА (КОСОЛАПОВА) И ИЕРЕЯ МИХАИЛА ПЛАТОНОВА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В 1919 ГОДУ

В богословии Православной Церкви принимается положение о реальности естественного нравственного закона как принципа, имеющего безусловный и всеобщий характер и лежащего в основе всех правовых и этических норм. Принимая естественный нравственный закон, Церковь подтверждает его значимость как принципа, ограждающего целостность структуры бытия от нравственного растрепания и распада¹.

На наш взгляд, ярким примером такого нравственного растрепания и распада является так называемое «революционное правосознание», которое стало главным источником большевистского права. Формирование нового права началось с издания первых декретов II Всероссийского съезда Советов (7–9 ноября 1917 г.), сформулировавшего его основные принципы. Новое уголовное право должно было основываться на принципе целесообразности, который прямо противопоставлялся принципу законности. Законодатель отказывался от исчерпывающего и полного нормирования всех отношений, полагаясь на «социальное чутье пролетарского суда». Призванное защищать новый

---

¹ См.: Платон (Игумнов), архим. Православное нравственное богословие. ТСЛ, 1994. С. 33.

общественный и государственный порядок, большевистское уголовное право с первых дней советской власти становится мощным орудием «диктатуры пролетариата» с ее карательными органами и ярко выраженной классовой политикой. Одним из первых документальных свидетельств этого «революционного правосознания» является следственное дело священномучеников епископа Вольского Германа (Косолапова) и иерея Михаила Платонова, хранящееся ныне в Государственном архиве Саратовской области (ГАСО).

«Дело» возникло следующим образом. В начале августа 1918 года в Саратове было получено сообщение о казни большевиками в ночь на 17 июля 1918 года семьи последнего российского императора — страстотерпца Николая II. 4 августа после Божественной литургии в Свято-Серафимовском храме настоятель — священник Михаил Платонов — совершил краткое молитвенное поминовение убиенного помазанника Божия и сказал слово о гонениях на веру. Естественно, что столь выдающаяся «контрреволюционная акция» не могла не привлечь внимания гонителей. 7 августа в «Известиях Саратовского Совета» появилась статья «Проповедь “святого отца”», которая заканчивалась призывом к Губернской чрезвычайной комиссии обратить внимание на это «безобразие» и «принять соответствующие меры»². Отца Михаила арестовали, Серафимовский храм остался без священника. Епархиальный совет во главе с председателем протоиереем Алексием Хитровым с благословения епископа Германа постановил временно прекратить совершение богослужений в Серафимовском храме, а прихожанам добиваться освобождения своего пастыря³.

Следственная комиссия расценила это как контрреволюционную агитацию и принялась активно разрабатывать тему про-

² См.: Известия Саратовского Совета. 1918. 7 августа // ГАСО. НСБ. № 315; Саратовские епархиальные ведомости. 1918. № 23–24 // ГАСО. НСБ. № 01275. С. 386.

³ См.: ГАСО. Ф. Р.-507. Оп. 1. Д. 255. Л. 220.

вокации со стороны духовенства, направленной на дискредитацию советской власти. В середине сентября 1918 года в Саратов прибыл Председатель Реввоенсовета РСФСР Л.Д. Троцкий. Ознакомившись с положением дел, Троцкий выразил местному руководству недовольство тем, что революционные изменения идут недостаточно активно, особо подчеркнув, что до сих пор не подорвано влияние Церкви. Стремясь угодить вождю, председатель Саратовского губисполкома В.П. Антонов-Саратовский обещал провести показательный «процесс над попами», приказав арестовать весь Епархиальный совет и предать его революционному трибуналу⁴. Слушание было публичным, Саратовский революционный трибунал заседал в здании Саратовской консерватории. На скамье подсудимых оказались епископ Герман, иерей Михаил Платонов и протоиерей Алексей Хитров.

Стенограммы этого процесса дают нам возможность почувствовать, что такое *тайна беззакония уже в действии* (2 Фес. 2, 7).

Речь обвинителя товарища Гриня: «...тот класс, та партия, которая в настоящее время делает историю и заполняет книгу бытия человеческого новым текстом,— занимает в этом вопросе ясную, определенную позицию, которая определяется тем, что сказал относительно религии наш великий учитель Карл Маркс: “Религия есть дело человека, еще себя не нашедшего — и уже потерявшего”...»⁵. «Религия является питомником всех морально искалеченных людей. Все робкие, все забитые и запуганные часто обращаются к религии и ищут в ней утешений и успокоения. И вот, если религия служила убежищем только слабым, то нам, которые понимают, что строителями жизни, хозяевами жизни являются не слабые и робкие искалеченные люди, а здоровые труженики,— нам можно отмахнуться от религии как от ненужного балласта, задерживающего ход человеческого развития и освобождения. Дело в том, что религия использована как орудие

⁴ См.: Владимирова А. Они служили Богу и людям // Православная вера. 1998. № 13. С. 2.

⁵ ГАСО. Ф. Р-507. Оп. 1. Д. 253. Л. 73 об.

эксплуатации и порабощения народных масс... Эти господа... являются в действительности не чем иным, как самыми худшими слугами разбитого нами строя»⁶. «Мы являемся, по сравнению с французскими революционерами, достаточно мягкотелыми и чересчур снисходительно относимся к ним до сих пор. Не пора ли нам встать на настоящую революционную точку, тем более что все, что мы наблюдаем, — мы везде видим, какую роль играют эти господа в контрреволюции. Пора взяться вплотную за это дело. Тем более что мы в настоящий момент живем в период красного террора. При настоящих условиях этот красный террор является не громозвучной фразой, а это целая система, которая будет проводиться с железной настойчивостью, в силу крайней необходимости... Довольно нам быть тряпочниками. Ведь мы называем себя революционерами. Я думаю, что мы не будем тряпочниками, а настоящими сынами революции. Вынесите им смертный приговор»⁷.

Приведем выдержки и из речи обвинителя товарища Васильченко: «Нам советское духовенство, конечно, не нужно. Процесс моления, отслуживание литургии — все это, может быть, кому-нибудь и нужно, но не нашей государственной власти, коленопреклонения для советской власти не нужно. Для советской власти небо — пустое место»⁸. «Да, товарищи, священники любят доход. А для тех, которые сидят на скамье подсудимых, — для них вопрос о доходе превыше всего. То, что им несут, они возьмут. Им и золото, и свечи, и ризы — все нужно. Свечи нужны для того, чтобы за их светом не видели, что делается там; ризы для того, чтобы их широкими полами скрывать доходы...»⁹

Из выступления обвинителя товарища Косицкого: «...никто не допускает, что можно воздействовать хотя бы на св. Платонова, который даже и сейчас, при укреплении советской власти, предвидя переход через социалистическую революцию к социа-

⁶ ГАСО. Ф. Р.-507. Оп. 1. Д. 253. Л. 74.

⁷ Там же. Л. 75 об., 76.

⁸ Там же. Л. 76 об.

⁹ Там же. Л. 77.

листическому строю, — даже и сейчас Платонов утверждает, что он монархист. Ясно, что св. Платонова мы не исправим. Его исправить невозможно. Значит, что необходимо? Необходимо тем или иным способом (это предоставляется суду) изолировать его от общества. Я не говорю исключительно о Платонове, а вообще таких необходимо изолировать. Путем ли заключения в стенах, чтобы они не могли видеть света, или путем умертвления — во всяком случае, мы вынуждены их изолировать... И я вас призываю помнить, что ваш суд именно классовый... Он должен был вынести приговор, который гласил: смерть контрреволюционерам. И если со стороны защиты будут говорить о христианских чувствах, о социализме, при котором не будет судов, о том, что революционеры должны быть великолепны (это я вижу по “христианским” лицам защиты), — то я полагаю, что вы таким словам, таким выражениям не придадите никакого значения потому, что вы являетесь классовым судом»¹⁰.

Обвинитель Гринь: «...если вы вынесете мягкий приговор, вся эта масса (указывает на публику) скажет: это чудо Божие. И я говорю, не увлекайтесь всякими заявлениями, что они признают советскую власть. Как им ее не признавать, когда она взяла их за горло. Но как они признают? Они признают нас, как признает собака палку, которой ее бьют. Но когда она почувствует, что она может и укусить, — она схватит эту палку и перегрызет ее...»¹¹.

Обвинитель из публики Бахшинов: «Я не буду касаться и копать в той картине и того мусора, который создан святыми руками этой черной тройки. Тов. судьи. Я напому вам о той буржуазии, которая (за шумом в публике несколько слов не слышно). Товарищи, если вы верные сыны этой революции, то эта революция требует, чтобы вы окончательно отомстили ее. Вы имеете маленький долг перед революцией, который должны заплатить. Вы должны вынести приговор, подходящий к этой тройке. Если в вашей душе будет сомнение... то, тов.

¹⁰ Там же. Д. 255. Л. 150.

¹¹ Там же. Л. 154.

судьи, горе вам. Вы должны указать этой черной тройке на их местожительство. Ведь они указывают, что каждый может получить рай на небесах, — так отправьте их туда. Пусть они найдут свое место и не будут больше агитировать против советской власти. В Советской России им не должно быть места»¹².

Подсудимых защищали профессиональные адвокаты, еще не привыкшие к «революционной законности». Защитник Рождественский: «Крайне затруднено мое положение как защитника. Я, идя сюда, идя в революционный суд, думал, что здесь будут судить за то деяние, за которое подсудимые сидят в тюрьме. Я не ожидал, что господа обвинители произнесут здесь просто речи митингового характера. Странно — предъявлять обвинения, которых нельзя прочесть в обвинительном акте...»¹³. «...Если вы поклонник Маркса — вы верите в него; это ваша религия, ваша вера, потребность сердца. Вот у каждого человека есть такое высокое чувство. И простите меня, но, по-моему, некультурность, темнота и заключается именно в том, что не уважают чужой религии, что бросают позорные слова, публично глумятся над идеей. Я не хочу сказать, что я религиозен, — но я защищаю религиозное чувство другого человека...»¹⁴ «За то, что они представители православного духовенства, которое вы обливаете помоями, — только за это — судить их тоже нельзя... Мы судим только тех людей, которые сидят за мной, — мы только с этим и должны считаться, а не навешивать на них все, что вам угодно. И я прошу суд вынести в приговоре не то ужасное, на что уже зовет вас, в силу каких-то общих соображений, обвинительная власть, а вынести то, что подскажет вам ваше сердце: оправдание. Этим вы больше поддерживаете советскую власть, чем бросанием камней»¹⁵.

После заключительных слов защитника Рождественского раздались аплодисменты. Председатель приказал удалить тех, кто аплодировал.

¹² ГАСО. Ф. Р.-507. Оп. 1. Д. 255. Л. 154.

¹³ Там же. Д. 253. Л. 77.

¹⁴ Там же. Л. 77 об.

¹⁵ Там же. Л. 79.

Из речи защитника Лебедева: «Позвольте мне критиковать этот обвинительный акт, поскольку он является неосновательным. Подтвердилось ли хоть одно положение обвинительного акта? Не подтвердилось ни одного. Вы сторонники исторического материализма, — но справедливость должна быть»¹⁶.

Очень странная речь общественного (казенного) защитника Вареника, которую в полной мере можно назвать речью еще одного обвинителя: «Товарищи судьи. Я выступаю как общественный защитник, как один из пролетариев — и не сомневаюсь в вашем справедливом решении. Пользуясь же предоставленным мне правом слова, я желаю привести несколько обстоятельств для ваших соображений... Новая философия вызвала и новое миропонимание, которое Маркс сделал основным; оно заключается в том, что человек понимается как существо, преисполненное всех низших, жестоких, эгоистических инстинктов; что человеком заправляет один интерес и что человек есть не больше как зверек. Мне сейчас пришла на память фраза обвинителя тов. Васильченко, когда он упрекал духовенство относительно их жадности к доходам, интереса к деньгам. Но скажите, пожалуйста, кто этим не грешен. Вот основа учения Маркса и говорит об этой отрицательной стороне человечества...»¹⁷.

Священник Михаил Платонов сам защищал себя на процессе, отказавшись от защитника. Опровергнув фактические обвинения, он сказал: «...обвинитель очень раздосадован тем, что я очень спокойно вел вчера себя здесь, что мне предъявляются такие-то обвинения и я так спокоен, высказываю свои монархические убеждения... Но, товарищи, я и сейчас спокоен, хотя вы и вынесете мне смертный приговор: разве я сказал, что небо пусто? Я верю, что небо не пусто, что там есть жизнь, — и я не верю в смерть. Если вы меня убьете — я буду жить... Если главным и единственным преступлением моим в обвинительном акте является возмущение народных масс против Советского

¹⁶ Там же. Л. 80 об.

¹⁷ Там же. Л. 80 об., 81.

Правительства Российской республики — то в этом преступлении я считаю себя не виноватым. Если бы я возмущал народные массы, то, несомненно, нашелся хотя бы один возмущенный; нашелся бы хоть один свидетель, который подтвердил бы, что я возмущаю. Где же возмущенные и свидетели об этом? Укажите хоть одного... Вся моя проповедь заключалась: “Народ, помни Бога”. Я это не перестану говорить, хотя бы со мной и поступили, как требует обвинитель, как, может быть, вы и поступите»¹⁸.

Из последнего слова священника Михаила Платонова: «Один из обвинителей сказал: “Настал час суда”. Вернее, настал час мести. Обвинитель предлагает мстить нам — “этой черной тройке”. Наказание, к которому они нас присуждают, является мезтью. За что же мне хотят мстить? За то, что я стоял за те религиозно-нравственные основы жизни, которые я печатал в воззваниях и выпусках?»¹⁹. «По житейскому рассуждению, я к смерти готов, и если меня страшит смерть, то исключительно потому, что я не чувствую себя подготовленным переселиться туда, куда так великодушно отправляет меня обвинение». «Они считают религию предрассудком, а меня считают эксплуататором этой темной, невежественной массы; что мы пользуемся этими предрассудками в своих интересах. Но этого предрассудка я держусь всем сердцем и всею душою своею. И это дает мне полную смелость смотреть прямо в глаза, никого не боясь, ничего не страшась»²⁰. «...Их обвинения есть фантазия — и фантазия злостная. Мстите, тов. судьи. Я умру без протеста... И тов. Косицкий, который приговаривает меня к смертной казни, и другой товарищ, который также отправляет меня на тот свет, — я умру, и вы умрете. Как бы вы ни защищались — но нужно быть совершенным дураком, чтобы сказать, что я защищаю свою персону, свой карман, свое имущество. Тут много бы еще я мог сказать. Но, собственно, это сравнительно маловажные замечания. И я кончаю. Предоставляю вам пол-

¹⁸ ГАСО. Ф. Р.-507. Оп. 1. Д. 253. Л. 84.

¹⁹ Там же. Д. 255. Л. 158 об.

²⁰ Там же. Л. 159.

ную свободу в отношении приговора. Но я полагал бы, чтобы суд ваш был бы судом, но не мезтью. Судите — но не мстите, вот о чем только я прошу вас»²¹.

Последнее слово владыки Германа: «Граждане судьи. Ни при старом режиме, ни при советской власти — я никогда не вмешивался в политическую жизнь страны, будучи сначала ректором семинарии, а потом епископом Вольским. Никогда я не занимался агитацией. Если бы это было, я думаю, что я давно был бы расстрелян в Вольске, когда там был белогвардейский мятеж. С моей стороны в Серафимовской церкви не было никакой агитации и никакой провокации, т.к. ясно установлено свидетелями, что прихожане приходили ко мне и я отказывался дать священника по тем мотивам, о которых здесь говорили... Никакой провокации со стороны Епархиального совета тут не было. Вот что я могу сказать в свое оправдание. Судите сами, виноват я или нет»²².

Дело, тянувшееся с октября 1918 года, окончилось 11 января 1919 года вынесением следующего приговора. Иерей Михаил Платонов был признан виновным «в возмущении масс против существующего правительства как в обыденной, так и литературной деятельности» и приговорен «к тюремному заключению на 20 лет с применением общественных работ». В отношении епископа Германа (Косолапова) «факт инсценировки запрещения богослужения в Серафимовской церкви советской властью» суд также счел доказанным и приговорил его «к тюремному заключению на 15 лет с принудительными работами»²³.

Но Саратовская губернская чрезвычайная комиссия все же отдала свой «маленький долг перед революцией». На заседании 8 октября 1919 года за антисоветскую агитацию и как непримиримых врагов рабоче-крестьянской власти постановила расстрелять 13 человек, в том числе священномучеников епископа Вольского Германа (Косолапова) и иерея Михаила

²¹ Там же. Л. 159 об., 160.

²² Там же. Л. 160.

²³ Там же. Л. 94–94 об.

Платонова. Приговор приведен в исполнение в ночь на 10 октября 1919 года.

Определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 26 декабря 2006 года епископ Вольский Герман (Косолапов) и иерей Михаил Платонов были прославлены в лике святых новомучеников и исповедников Российских. Они, как и многие другие верующие люди Советской России, доказали, что несмотря на видимое торжество зла и беззакония можно одержать над ними нравственную победу.

Нельзя не заметить и то, что «новое общество», «новый человек» в большевистской России рождается от нарастания зла и тьмы. Душа его, в результате сознательного истребления данных Богом нравственных норм, образуется из отрицательных аффектов, из ненависти, мести, насилия. В.И. Ленин объявил нравственным все, что способствует пролетарской революции, другого определения добра он не приводит²⁴.

Н.А. Бердяев справедливо отметил, что цель, оправдывающая всякие средства,— это несомненная политика дегуманизма, при которой «новый человек» не может состояться, а образуется лишь новая организация общества, где человек есть средство для него, а не новая организация общества — средство для человека²⁵. Как верно, по-ленински понял это казенный защитник Вареник, рассуждающий о «новой философии» и «новом миропонимании», которые Маркс сделал основными и которые заключаются в том, что «человек понимается как существо, преисполненное всех низших, жестоких, эгоистических инстинктов; что человеком заправляет один интерес и что человек есть не больше как зверек»²⁶. Такой подход превращает марксизм в дегуманизирующую силу, враждебную человеку, а его последователей в большевистской России — в нелюдей, вместе с образом Божиим потерявших и образ человеческий и все больше и больше обретающих образ звериный.

²⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 41. С. 339.

²⁵ См.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 149.

²⁶ ГАСО. Ф. Р-507. Оп. 1. Д. 253. Л. 80 об., 81.